

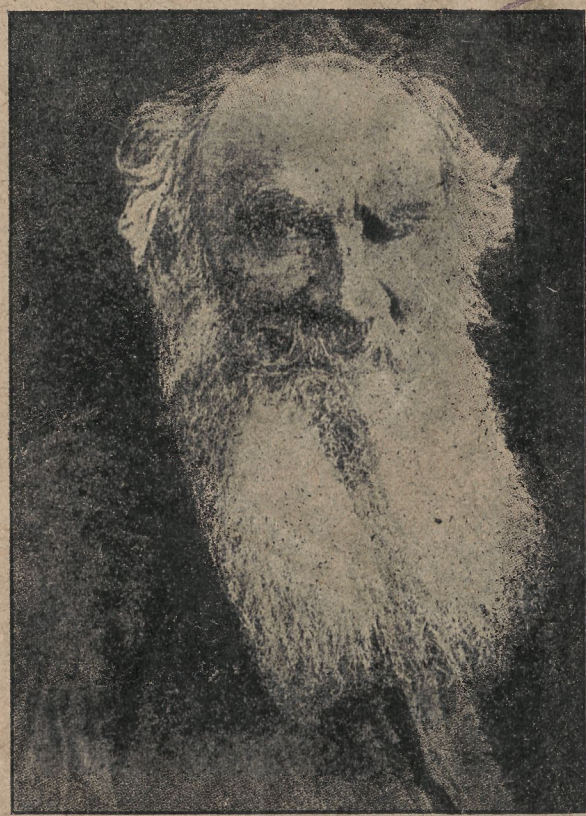
К. С. М. - 17

№
36

Естественное явление во снѣ

2815

ЛЬВА НИКОЛАЕВИЧА ТОЛСТОГО
ЖЕЛѢЗНОДОРОЖНОМУ СТОРОЖУ
СТ. АСТАНОВО.

или

95 $\frac{1}{34}$

ТАИНСТВЕННОЕ ЯВЛЕНИЕ

ВО СНѢ

Льва Николаевича

ТОЛСТОГО

желѣзнодорожному сторожу ст. Астапово.

(Разсказъ очевидца).

Москва.

Издание книгопродавца А. С. Балашова.

1910 г.

К. Ш. - 10

36

Типографія „Русскій Трудъ“, Москва, д. № 19.

Таинственное явленіе.

Возвращаясь изъ-заграницы, гдѣ я
былъ по домашнимъ обстоятельствамъ,
на границѣ я получилъ русскія газеты,

гдѣ сообщалось о смерти Льва Николаевича Толстого.

Я, могу сказать, прямо изумился, такъ какъ считалъ въ глубинѣ души своей Толстого недосягаемымъ руки смерти, которая ломить только *простыхъ* людей, а не такихъ титановъ, которымъ считалъ Льва Николаевича весь образованный міръ.

Не стану описывать мой путь отъ границы до пункта отправленія въ Москву, но на станціи Астапово, гдѣ умеръ величайшій геній современнаго міра, я долженъ былъ нравственно остановиться и высказать то, что я услыхалъ въ вагонѣ Рязанско-Уральской желѣзной дороги изъ устъ желѣзнодорожного сторожа.

Посѣтивъ могилу Льва Николаевича и поклонившись его праху, я пришелъ на вокзалъ и сталъ дожидаться на станціи Астапово поѣзда, отходящаго въ Москву.

Начальникъ станціи, такъ благодушно предоставившій умирающему графу свое помѣщеніе, рассказалъ мнѣ подробно о послѣднихъ дняхъ мірового генія и о его похоронахъ.

Когда поѣздъ подходилъ къ станціи, я пощупалъ свои финансы и замѣтилъ, что ихъ остается немного, такъ что ѣхать, по-прежнему, въ первомъ или даже второмъ классѣ не стоитъ, такъ какъ человѣку, проѣхавшему тысячи верстъ,

нѣсколько верстъ считается за шутку, и я взялъ билетъ третьяго класса и сѣлъ въ вагонъ, переполненный сѣрыми пассажирами.

Посѣщеніе могилы покойнаго Льва Николаевича и впечатлѣнія вынесенныя мною, такъ подѣйствовали на меня, что я въ вагонѣ, не смотря на говоръ и шумъ, задремалъ, но вдругъ проснулся, услыхавъ громкій голосъ какого-то мужчины, произносящаго имя покойнаго Льва Николаевича Толстого.

Я прислушался.

Мужчина этотъ говорилъ:

— Когда поѣздъ подошелъ къ нашей станціи, мы услышали, что съ его сіятельствомъ дурно. Я былъ на платформѣ,

пришелъ изъ своей будки закупить кое-что. Тутъ мы и вынесли покойнаго Льва Николаевича въ квартиру начальника станціи. Не могу забыть, пріятели, какими глазами онъ смотрѣлъ на насъ. Думается, что онъ, сердешный, зналъ уже, что онъ не жилецъ на еѣтомъ свѣтѣ.

— Ну и что-же? — спросилъ другой голосъ.

— А то, что я этого глаза до самой смерти не забуду. Да что говорить... Вы даже не повѣрите, что не приснись онъ мнѣ во снѣ,—крушеніе поѣзда произошло-бы!

— Какъ такъ? — быстро произнесло нѣсколько голосовъ.

— А вотъ какъ, милые мои,—произнесъ рассказчикъ:—какъ схоронили его сіятельство, такъ я и сонъ потерялъ. Все думалъ: неужли Господь взялъ отъ насъ такого человѣка, который нуженъ такъ былъ намъ?! Я про себя скажу. Я сейчасъ на второй женатъ. Отъ первой у меня осталось двое, да отъ ефтой трое. Всего, стало быть, пятеро. Когда померла первая, я на московской товарной былъ рабочимъ, а не будочникомъ, какъ теперь, достатка не было никакого, одна фатера заѣдала. А померла она,—хоронить не на что было. А былъ у насъ рабочій, мужикъ изъ Ясной Поляны. Онъ и говоритъ: „чего ты боишься?! съѣзди къ нашему графу: онъ поможетъ, дастъ на женины похороны. Да

много не говори: онъ самъ пойметъ, врешь ты или правду баишь!“

Такъ я и сдѣлалъ.

Билетъ бесплатный взялъ, а покойница лежитъ подъ образами. Меня научили утромъ сѣсть на скамейку въ ихъ паркѣ, къ которой каждое утро его сіятельство приходитъ. Сижу, эдакъ, сердце такъ и бьется. Гляжу, идетъ мужичокъ, старый—престарый, въ шляпѣ и съ палкой въ рукахъ.

Я подумалъ, что и онъ къ графу, такъ какъ подходитъ къ ефтой скамейкѣ. „Здравствуй, говорю, пріятель, къ его сіятельству ты?“.

— Нѣтъ, говорить, а ты? Къ Льву Николаевичу,—отвѣчаю.—Что онъ, добрый, говорятъ?

— А что?

— Да жена, молъ, померла, говорю, а хоронить не на что. Говорятъ, графъ помогаетъ, дать что-ничто.

— Дѣти есть?—спрашиваетъ.

— Двое, говорю, махонькіе...

— Такъ вотъ что: пойди вонъ въ энтотъ домъ, во флигель. Тамъ тебя примутъ: скажи, что старикъ съ палкой велѣлъ тебѣ обождать.

Я подумалъ, что старикъ смѣется, а все-же пошелъ: въ умѣ покойница-жена, да что хоронить не-на-что.

— Пошелъ, да не той дорожкой: крюку даль. Прихожу, а меня и встрѣчаетъ

давишній старикъ, улыбається, и ласково таково смотреть.

— Что,—говорить,—заблудился, что-ли? А я ужъ дома...

Я глаза вытаращилъ и слова не могу сказать.

А онъ:

— Я—Левъ Николаевичъ. Вотъ тебѣ на похороны, похорони жену. Она была тебѣ подругою въ жизни, сглаживала твою трудовую жизнь, а потому и достойна, чтобы ты отдалъ ей послѣдній долгъ, какъ слѣдуетъ, и чтобы дѣти ея это видѣли и помнили.

И далъ мнѣ пятьдесятъ рублей!

— А въ случаѣ, говорить, нужды—

пиши мнѣ: трудящемуся грѣшно не помочь!

— Вотъ онъ каковъ былъ Левъ Николаевичъ! — заключилъ рассказчикъ.

— Такъ-то-такъ! Ефто мы слыхали, а ты говорилъ, что онъ тебѣ во снѣ приснился,—замѣтилъ кто-то изъ слушающихъ.

— Во-во, ефто самое я и хочу рассказать. Ежели не онъ, то крушеніе пассажирскаго поѣзда произошло-бы, да я самъ подъ судъ попалъ-бы, а теперича отъ начальства благодарность получилъ! Да!

— Дѣло, братцы мои, было съ недѣлю тому назадъ. Ко мнѣ пришли зем-

ляки,—тульскій я самъ. Ну, понятно, выпили: я купилъ бутылку, они послали за другой. Какъ слѣдуетъ, значить. А поѣздъ изъ Ельца идетъ, пассажирскій. Я, значить, взялъ флагъ и пошелъ. Пошелъ, значить, а въ головѣ-то того, дурманъ,—понимаешь-ли?

— Прошелъ, значить, по линіи. Вижу, все благополучно. Сѣлъ на насыпи, а въ умѣ у меня все Левъ Миколаичъ покойный стоитъ. Въ головѣ шумить. До поѣзда минутъ пятнадцать осталось. Тутъ я задремалъ. Смотрю, по линіи, то-есть по рельсамъ къ Москвѣ идетъ его сіятельство, мужикъ-мужикомъ, и манитъ меня рукой къ себѣ. Я вскочилъ и за нимъ. Онъ идетъ, а я бѣгу. Вдругъ онъ исчезъ, словно дымъ, а я нат-

кнулся на бревно, которое на рельсахъ лежало. Смотрю, сзади меня поѣздъ громыхаеть. Я сейчасъ схватилъ это бревно, да не смогу его сдвинуть. Тутъ я перевернулъ флагъ съ краснымъ фонаремъ. Поѣздъ остановили, кондукторская бригада выскочила и оттащила бревно. Я получилъ благодарность начальства, такъ какъ оказалось, что бревно это положили для товарнаго поѣзда, который шель слѣдомъ и на которомъ много было цѣннаго груза.

Вотъ теперь я постоянно буду помянать Льва Николаевича въ молитвахъ, и дѣтямъ и правнукамъ, если будутъ, завѣщу помнить его попеченія, которыя онъ и послѣ смерти не оставляетъ о насъ, грѣшныхъ людяхъ! — заключилъ

говорившій, и я захотѣлъ познакомиться лично съ видившимъ это чудо и подошелъ къ говорившимъ.

— Если-бы не Левъ Миколаичъ,—сказалъ мнѣ желѣзнодорожный сторожъ,—произошло бы крушеніе пассажирскаго поѣзда, а вѣдь сколько пассажировъ было на немъ—Господь одинъ знаетъ! Я слыхалъ, что на этомъ поѣздѣ ѣхала какая-то дочь Льва Николаевича, а вѣрно-ли это,—сказать не могу.

Поѣздъ подходилъ къ московскому вокзалу, и передо мной всталъ образъ великаго старца, такъ любившаго Москву, это сердце Россіи, и у меня явилась мысль; дѣйствительно ли сторожъ-разскащикъ видѣлъ Льва Николаевича, пре-

дупредившаго несчастье, или это было болѣзненное кошмарное явленіе подѣ влияніемъ возліянія Бахусу?

Судить объ этомъ трудно, но происшедшій фактъ на лицо!

Миръ праху твоему, великій старецъ русскаго народа!

А. П. Гиляровъ.

